

Ценности моей жизни

В ЧЕТВЕРГ ПОУТРУ С ЭЛЬДАРОМ РЯЗАНОВЫМ

Вагончик тронется, любовь останется

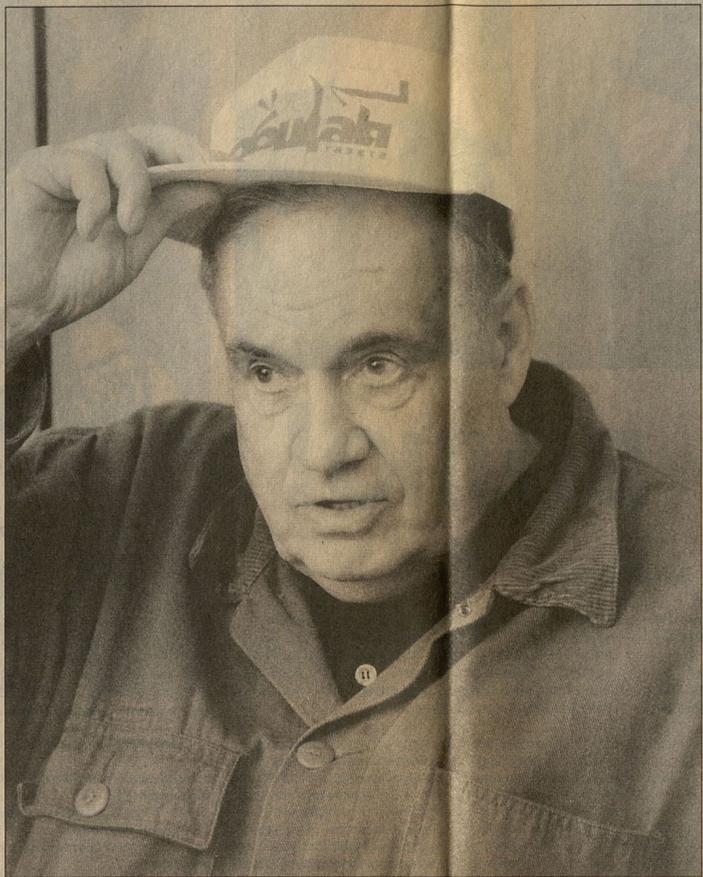
О кинорежиссере Эльдаре Александровиче РЯЗАНОВЕ, нашем сегодняшнем госте, оказалось писать трудно, как о ближайшем родственнике. Мы просто не замечаем, насколько за срок с лишним лет близкого знакомства он вошел в наши плоть, кровь, душу. Неважно, сколько им снято фильмов — двадцать или тридцать, сколько раз он появлялся на телеэкране — сто или двести. Всякий раз это было свидание с родным человеком, с тем, кто знает про тебя все. Он умудрился достать нас изнутри. «Карнавальная ночь», «Ирония судьбы», «Гараж» и «Жесткий роман», «Берегись автомобиля» и «Гусарская баллада», «Небеса обетованные» и «Вокзал для двоих» — кем бы мы были, не увидев этого? На каком языке разговаривали бы друг с другом? Ведущий «Кинопанорама» и автор передач о русских женщинах во Франции, о великих актерах и людях России и Франции — он влюбляет нас одной своей интонацией, которую мы не замечаем, потому что Эльдар Рязанов всегда рассказывает о других. А получается — о нас с вами. О самом режиссере известно, странным образом, не так много. Мы постарались хоть немного восполнить этот пробел. И, конечно же, пожелать любимому человеку здоровья, творческой энергии, успеха и — новых встреч.

Время, когда все спереди

- Кто были ваши родители, имели ли они отношение к искусству?
- У кого вы учились кинорежиссуре?
- Какие переломные моменты вашей жизни вы бы отметили?

— РОДИТЕЛИ мои никакого отношения к искусству не имели. Отец был большевиком, участником гражданской войны. Мать, увидев бравую красноармейца, ушла с ним из своей меццанской семьи. Отец воевал против Колчака, в 1922 году, когда ему было 24 года, его послали разведчиком в Китай. Мать поехала с ним. Потом, еще до моего рождения, они работали в Персии, в Тегеране. Оттуда, собственно, мое имя и взялось. Они числились работающими в Торгресте, но отец, видимо, засыпал как шиши, и их оттуда выслали. Я говорю достаточно приблизительно, потому что с отцом у меня в жизни было крайне мало контактов. В Москве отца назначили начальником винного склада. И тут произошла трагедия — он начал пить. Возвращаясь с работы в невменяемом состоянии, бывало, в одном нижнем белье, начал покусывать мать. Должен сказать, что в 1930 году, когда мне было три года, у нас была отдельная трехкомнатная квартира в Баряде, где сейчас гостиница «Россия», — с окнами на Красную площадь, представляет? И мать вызвала меня, трехлетнего, в охапку и ушла жить к подруге. Отец женился второй раз. У меня должна быть сестра 34-го или 35-го года рождения, но я так и не знаю, где она, как ее зовут, жива ли вообще, может, умерла маленькой? Все следы потеряны, потому что в 38-м году отца посадили. В начале 60-х он меня нашел по моим фильмам. Но близкого контакта уже не получилось: пришел совершенно незнакомый мне, сломанный жизнью, разбитый человек. И свою дочку он не нашел. Такая вот печальная история. Ну, а мать вышла замуж, и меня с семилетнего возраста воспитывал отчим. Это был совершенно потрясающий человек. У меня есть сводный брат, и никогда в жизни я не чувствовал разницы отношений отчима к родному сыну и ко мне. Он был рядовой инженер, совершенно обычный человек, но с огромной внутренней интеллигентностью. Прожил все семьдесят шесть лет.

Во ВГИК я поступил в 1944 году, когда мне было шестнадцать лет. В институт меня приняли условно. Я был самым молодым на курсе, который набирал и вел Григорий Михайлович Козинцев. Он относился ко всему, что я делал, с большим скепсисом. Ему это как-то не нравилось. В конце второго курса он мне сказал: «Знаете, дорогой Эльдар, все-таки нам придется с вами расстаться». Я говорю: «Почему, Григорий Михайлович?» — «Вы слишком молоды». Меня, наверное, спасло отчаяние, с которым я выдал экстрим: «Григорий Михайлович, вы могли заметить это два года назад, когда принимали меня». Он помчал затюлок: «Да, верно. Ну черт с вами, учите!» Но наши отношения не складывались и после учебы. В 1956 году я привез в Ленинград «Карнавальную ночь». Было четыре сеанса в крошечном зале кино Дома кино. Два в субботу и два в воскресенье. Я не позволил Козинцеву в надежде, что он и так придет: все-таки ученик привез картину, и по отзывам неплохую. Но он не пришел. За десять минут до последнего сеанса я звоню ему на квартиру: «Григорий Михайлович, я вот картинку привез...» — «Хорошо, задержите сеанс, я сейчас приеду». Сеанс задержали, Козинцев приехал. После просмотра подошел ко мне, поздравил: «Да, — говорит, — ничему подобному я вас не учил». Позже я вдруг получил от него письмо, что я любимый режиссер их се-

Я действительно не представлял себе, какое это мощное оружие и как легко его можно употребить во зло. После каждой «Кинопанорамы» приходило до тысячи писем. Были и смешные, и серьезные, и требовательные. Сначала я по наивности читал все подряд и даже пытался отвечать. Потом жана стала отбирать десяток тех, на которые требовалось отвечать обязательно, поскольку это критика души. Но больше всего я запомнил даже не письма, а записку, которую несколько лет назад получил в той же Риге на встрече со зрителями. Женщина написала о своей подруге, враче по образованию, которая решила свести счеты с жизнью. Та хотела и после смерти выглядеть красивой, поэтому приняла душ, сделала прическу, надела самое красивое платье. Как врач она знала наилучший рецепт: поставила на журнальный столик пачку спонжовых таблеток, бутылку коньяка, села в кресло, включила телевизор. И вот в это время на экране Шпринглит поглотил бутылку шампанского: начиналась первая демонстрация фильма «Ирония судьбы». Дальше в записке шла такая фраза: «Моя подруга жила до сих пор. Недавно она купила кассеты с фильмом «Ирония судьбы» и смотрит ее по мере надобности». Понимаете, какое выдумать при этом соображаю: порвать штаны или объявить о гвозде и тем самым опозорить президента? Или я выбрал другую путь. И говорю: «Тут гвоздь». Все кинулись вынимать из-под меня стул, штаны, слава богу, уцелели.

Три съемки с Ельциным

● Как вы делали телепередачи о Ельцине?

● Не жалеете ли сегодня об этом?

— О ТРЕХ съемках Бориса Николаевича Ельцина можно рассказывать долго и сериями, как «мыльную оперу». Поэтому я постараюсь кратко. Для начала могу сказать, что никогда прежде я политическими репортажами не занимался. И не буду заниматься. Хотя много предложение по этому поводу у меня есть. Началось все в феврале 1993 года, когда мы на РЕН-ТВ задумали снять к 8 марта передачу, посвященную Наине Ельциной, которую до той поры никто никогда на телеэкране не видел. Это отличие от предшественницы, Раисы Максимовны Горбачевой. Но в это время в семье Ельцина была тяжелая ситуация, умирала его мать, и мне отвести отказом. Ну нет так нет, я стал делать другие передачи. Вдруг в середине апреля, за десять дней до референдума, звонит Брагин, председатель «Останкино», и говорит, что было бы неплохо сделать передачу о Наине Иосифовне, как мы этого и хотели. Но я сразу понял, что это уже был политический заказ. Я ответил, что у меня свои правила, я никогда не делаю программ о людях, которые мне несимпатичны или неинтересны, и поэтому для начала хотел бы познакомиться с будущей героиней. На следующий день мне устроили встречу

у них в квартире на Брестской улице. Была Наина Иосифовна, обе дочери, оба зятя, внуки. Само же было.

Наина Иосифовна мне очень понравилась. Я и сейчас считаю ее замечательной женщиной. Одновременно счастливой и несчастливой, с очень трудной жизнью и легкой судьбой. Держалась она искренне, с достоинством, очень естественно. Глубокая русская женщина со всеми ее проблемами. И дочери мне понравились. Да себя я сразу решил — буду снимать. Уходя, я бросил фразу, что неплохо было бы, если бы на съемку приехал президент. Иначе будет ощущение брошенной семьи. Снимали мы ее в церкви, поскольку это была Страстная суббота перед Пасхой, потом в квартире. В разгар съемки пришел Борис Николаевич. Там уже было все залпировано, накрыт стол, но я почему-то увлек его на кухню. Было много смешных эпизодов. Например, это был не только мой дебют как политического репортера, но еще и дебют моего костюма, купленного в Америке. Я сижу, разговариваю и вдруг чувствую, что подо мной гвоздь. Спрашиваю, что это за стул? Он говорит, что эти дванадцать ступень ему подарил на сорокалетие и он привез их из Свердловска. А я лихорадочно при этом соображаю: порвать штаны или объявить о гвозде и тем самым опозорить президента? Или я выбрал другую путь. И говорю: «Тут гвоздь». Все кинулись вынимать из-под меня стул, штаны, слава богу, уцелели.

В тот раз я впервые его видел, только познакомился и поэтому задавал вопросы как человек, который его не знает. Умеет ли он копать и копать дрова? Что у него с рукой, почему нет пальцев? В частности, задавал вопрос, умеет ли он готовить. Он сказал, что да, и Наина Иосифовна это подтвердила. «И что же является вашим фирменным блюдом?» Он говорит: «Фаршированная рыба». Я чуть не упал. Это было время, когда в подъездах, если помнить, писали на стенах «Беня Ельцин». И мы сами сделали единственную купюру, так как я был не уверен, что наш народ одобрит президента, который умеет готовить фаршированную рыбу. Продюсер сказал: «Не расстраивайтесь, Эльдар Александрович. Мы этот кадр продадим в Израиль». В результате население осталось не в курсе кулинарных талантов Бориса Николаевича.

Могут признаться честно, что я пошел на это интервью, потому что мне ничего не надо было от президента: ни обсянка, ни местного предприятия, ни денег. У меня есть дача, квартира, машина, мне ничего не нужно. И это сознание, что мне ничего не нужно, было для меня основополагающим. Когда съемка уже подходила к концу, Ирина Лесневская мне говорит: «Спросите его о следующем интервью». Я подхожу и говорю: «Борис Николаевич, у меня к вам одна просьба». Вижу, что он напрягся, понимаю, что именно сейчас последует то, ради чего на самом деле все это устроили, и даю ухо прибил. Я говорю: «Дайте мне через некоторое время еще одно интервью». У него явно отлегло от души. Какая бездельщина... Осенью 93-го была вторая встреча. За два дня до интервью Ельцин приглашает меня в Кремль и говорит: «Я знаю, что у вас тяжело болела жена. Может, будет лучше, если мы отложим передачу? Врать не буду, это меня потрясло. Потому что я не представлял себе ни одного коммунистического лидера, который бы проявил такое внимание. Я говорю: «Борис Николаевич, мне будет легче, если мы это сделаем, это меня отвлечет». Жена действительно лежала в реанимации после тяжелой и, как потом оказалось, смертельной операции. На вопрос Ельцина: «О чем будет разговор?» — я ответил: «О том, как коммунист стал демократом». В эту вторую встречу у меня были восхищен Борисом Николаевичем, тем более что я располагался и задавал совершенно «кровяные» вопросы. Он кряхтел, потел, думал, но не уклонился ни от одного сложного вопроса, ни разу не ушел в кушты. Его длинные пальцы мы оставили в передаче. Например, я спросил: «Каким поступком вы гордитесь больше всего?» Была очень большая пауза. «Пожалуй, своим выходом из компартии». — «А какого больше всего стыдитесь?» Тоже очень долго думал. «Честно сказать, когда пришла указание от Политбюро о сносе Ипатьевского дома. У меня было достаточно сил воспротивиться этому, но я этого не сделал. Никогда себе не прощу». Или я задавал вопрос о привилегиях: «Вы пришли к власти на этих лозунгах, а в итоге заняли их дачи, квартиры, сели в их машинах. Неужели не понимаете, что моральный урон намного больше, чем любая синопичная выгода?» Он согласился: «Да, это ошибка».

представлял, чтобы так мог говорить с Андроповым или даже с Горбачевым.

Жестких вопросов было немало. Разговор шел три часа, в эфир прошло тридцать пять минут. То, что не вошло, думаю, интересное то, что включено в передачу. На следующий день после съемки я уехал из Москвы. И уехал, честно говоря, в состоянии большой душевной растерянности. Передачу складывала Ирина Лесневская, гений монтажа. Потом началась история с его шунтированием, болезнью.

Сейчас ситуация со здоровьем и деятельностью Президента, конечно, очень печальная, и то и горю.

Порядочному человеку всегда тяжело

● Как вы оцениваете нынешнее состояние кинематографа?

● Что вы можете сказать о своем поколении шестидесятников?

● Собираетесь ли работать на телевидении, снимать фильм, писать новую книгу? Продолжаете ли писать стихи?

— КОГДА мы заканчивали институт, мы знали точно: кинорежиссеры — это боги. За прошедшие пятьдесят лет на наших глазах произошло крушение многого, в том числе и кинематографа. Сейчас картину может снять любой, были бы деньги. Что часто и происходит. Побывав недолго небожителями, мы скатывались вниз — боги, титаны, герои и, наконец, плебеи. Была замечательная штука у Богословского: писатель Н. Рабогабет и стал покупать предметы второй и третьей необходимости. Так вот кино сегодня относится к предметам седьмой необходимости. В лучшем случае.

Моя телевизионная деятельность практически завершилась. Не то что в Париж, а уже в Ленинград телекомпания не имеет средств послать группу. Притом что и раньше это стоило нам не слишком дорого. Все французские звезды, например, снимались у нас бесплатно. Мы им давали бутылку водки и маленькую баночку икры. Плюс наш посыл, Юрий Алексеевич Рыжков, давал нам для съемок свою резиденцию. Замечательный особняк XVIII века, зато архитектуры, которое нашим властям хватало ума и сил не продать французам.

Когда же у меня появилось свободное время, я понял, что для меня это опасно: я могу очень быстро загнаться. Поэтому я много чем сейчас занят. Во-первых, мы с Эмилем Брагинским написали сценарий «Тихие омуты». При любви господерже, которую выдает нам Госкино, деньги или не дойдут вовсе, или будут приходить нерегулярно, с большим опозданием, что для кино, которое надо снимать непрерывно, подобно смерти. Поэтому мы очень обрадовались, когда на нас возложили обязанности по развитию РТР. Руководители РТР заявили, что они хотят развивать свою кинопромышленность наподобие ОРТ и НТВ и что они будут финансировать наш сценарий. Ура! После чего началось нечто чудовищное. Намговорили: завтра переведем деньги, потом клялись — послезавтра, потом божились — на той неделе. Люди, от которых все зависело, не брали трубку, не отзывались, ввали. Однажды я провалился к высокому начальнику, который сказал, что завтра в три часа он решит мою проблему. Я,

как полный, не по поводу того, что фильм будет «опять про любовь», вспоминается замечательная история про поэта Сергея Острогоро. Он вышел во двор дома писателей у метро «Аэропорт», где кучковались его собратья по перу, и сказал: «Написал стихотворение о любви. Практически закрыл тему». Воюю, сколько бы я и все остальные режиссеры ни снимали фильмов о любви, эту тему закрыть не удастся никогда.

Герой фильма — хирург, директор хирургического центра, лауреат, академик, ему около пятидесяти. И героиня — его жена — примерно такого же возраста. И еще будет барышня тридцати лет. Кем их считать? С высоты моего возраста — просто юнца, молодежь. Со стороны молодежи — опять, скажут, про стариков кино делают.

Эмил Брагинский этого уже не застал. Он умер в конце мая. Умер счастливой смертью. Помню в одной из анкет, которую мне давали, был такой вопрос: «Как бы вы хотели умереть?» Я ответил: «Мгновенно и на родине». Эмил осуществил это полностью. Он возвращался со своей женой Ирой из замечательной поездки в Париж и Брюссель. Настроение было прекрасное: сценарий закончен, еще неизвестно было, что с ним случится, и он очень ждал эту картину. Они поехали к пограничному контролю. Почему-то не было очереди. Эмил подошел к девушке-пограничнице, дал ей паспорт, о чем-то еще пошутил. Взял у нее паспорт, перешел границу и рухнул замертво. Кошунственно говорить, но, с моей точки зрения, ему можно позавидовать.

Между тем история с картиной на этом не закончилась. Мне удалось пробиться в очень высокие инстанции. Меня спросили: сколько нам нужно денег, чтобы снять летнюю натуру? Я назвал сумму. Мне сказали: хорошо. Это было в конце августа. И в этот момент грянул кризис. Государственный орган вроде бы не умер, но кровь по сосудам не текла. Деньги шли полтора месяца. И каждый день цены росли, а рубль обваливался. В итоге ситуация возникла парадоксальная: денег пришло в четыре с половиной раза меньше. Их нельзя конвертировать в валюту, чтобы сохранить до лета, потому что это бюджетные средства. Их нужно или истратить на фильм, или отплатить работнику. Поэтому я сейчас начал снимать все, что можно снять зimmer. Павильоны, интерьеры, актеры, одежды в легкие маечки и рубашки. Если все будет в порядке, мы снимем одну четвертую часть ленты, не выходя на улицу. А что дальше? Я никогда еще не ввязывался в такую авантюру. Деньги будут истрачены. Считается, что это была львиная доля господерже, хотя на деле оказалось в четыре раза меньше. До середины мая я должен, тем не менее, достать деньги на продолжение картины, иначе все пойдет коту под хвост. Кусок фильма, кусок из серельки, кусок из начала — куда это отправившись, кроме как на мья?

«Тихие омуты» задумаю как фильм о любви, о хороших людях. Должен сказать, что все, что мы написали с Эмилем, а потом я снимал, способствовало идеям, связывающим людей, а не разъединяющим их. Может, кому-то картина покажется старомодной. Но я никогда не гонялся за модой. Кто-то сказал, что мода — это кусок материи, позволяющий по телу женщины ввер-вниз. То это декоративная низкая юбка, то, наоборот, короткая юбка, но от гола. Иногда я входил в моду, иногда выходил из нее. Но это не было нарочно, мы как существовали независимо друг от друга. За это время человек поворачивался разными гранями, и его интересовали разные вещи. Иногда мои фильмы были людям «в жилку», иногда нет, но я никогда специально ни под кого не подлаживался. А по поводу того, что фильм будет «опять про любовь», вспоминается замечательная история про поэта Сергея Острогоро. Он вышел во двор дома писателей у метро «Аэропорт», где кучковались его собратья по перу, и сказал: «Написал стихотворение о любви. Практически закрыл тему». Воюю, сколько бы я и все остальные режиссеры ни снимали фильмов о любви, эту тему закрыть не удастся никогда.

Герой фильма — хирург, директор хирургического центра, лауреат, академик, ему около пятидесяти. И героиня — его жена — примерно такого же возраста. И еще будет барышня тридцати лет. Кем их считать? С высоты моего возраста — просто юнца, молодежь. Со стороны молодежи — опять, скажут, про стариков кино делают.

Сейчас много говорят про поколение «шестидесятников». Конечно, это было идеалистическое поколение. Мы были полны самых добрых, самых святых чувств и настроений. Думали, что если этот строй рухнет, то все будет хорошо. Ничего-то мы не понимали. Конечно, хотели как лучше... И все же я хочу повторить слова, которые когда-то написал в книге о Чаплине. Наш век был жестоким, но если бы не было Чаплина, он был бы еще хуже. Еще более кровавым, страшным и омерзительным. Я не сравниваю свое поколение с Чаплиным, который был гений, но, наверное, и мы чего-то стоили. И думаю, что если бы не мы, то время было бы еще хуже. Какие-то крупилки добра мы сеяли в душах. Другое дело, что у кого-то они проросли, у кого-то нет. Зерно должно все-таки пасть в чернозем, а не на камень. На камне они не взойдут. И еще могу одно сказать: порядочному человеку при любой режиме жить плохо. И материально, и идеологически. Я по своей натуре лодырь — мечтаю отхлынуть, ездить по миру, собирать грибы, в общем, жить в свое удовольствие. И с этой точки зрения моя жизнь не сложилась.

Мечтаю вставать поздно, а встаю рано и начинаю чего-то сочинять. Встаю к столу, начинаю записывать. Потом ложусь, пытаюсь снова уснуть, не получается. Раньше вечером многое придумывалось, например, стихи сочинялись перед сном, причем как выхри, как наваждение. А сейчас так устаю, что падаю в постель и тут же засыпаю. Зато присыпаюсь рано, и самое хорошее сейчас придумывается на рассвете. Сейчас начал книгу писать, которая будет называться «Эльдар-ТВ». О героях моих передач. Очень слабые ребята. Тут и Володя Высоцкий, и Роман Гари, и Зиновий Гердт, и Жан Марэ, и Гали Дали. Самое трудное будет отобрать материал. Но кое-какие главы уже готовы, но закончить буду уже после фильма. И стихи. Это, например, написано лет пятнадцать назад, но и сейчас я испытываю те же чувства.

Я все еще, как прежде жил, живу, а наступило время отступленья.

Чтобы всю жизнь держался на плаву, у каждого свои приспособленья...

Пронснул под утро... Долое не засну... О, как сбавает позиции отблюд! Того, что потихоньку я обид, покамест никому еще не видно.

Богатства я за годы не скопил, порою жил и трудно, и натужно.

В дороге ничего я не купил. Да в этот путь и ничего не нужно.

Полосу подготовил Игорь ШЕВЕЛЕВ Фото Сергея ЗОНИЧЕВА

Славным и симпатичным журналистам «Общей газеты» с самыми добрыми, сердечными пожеланиями. Всего Вам самого прекрасного.

Искренне Ваш